

ПСИХОЛОГИЯ PSYCHOLOGY

УДК 159.9.01

DOI: 10.18413/2313-8971-2021-7-3-0-6

К 125-летию со дня рождения Л.С. Выготского

Майданский А.Д.  | **Эволюция психики: предметная деятельность и аффект**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85,
Белгород, 308015, Россия,
Институт философии РАН. Российская Федерация,
109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1
caute@yandex.ru

*Статья поступила 08 августа 2021; принята 10 сентября 2021;
опубликована 30 сентября 2021*

Аннотация. *Актуальность.* От решения проблемы природы и эволюции психики зависит решение всех остальных проблем научной психологии. В деятельностной психологии после Выготского понятие аффекта не ставилось во главу угла. *Цель:* продолжить начатое Выготским исследование психики как формы аффективной деятельности. *Методология и методы:* принцип деятельности и культурно-исторический подход в психологии человека. *Результаты исследования:* Приняв, вслед за Спинозой и Выготским, аффект за «альфу и омегу» психической жизни, автор статьи прослеживает начальные ступени эволюции психики в процессе предметной деятельности. Фазовый анализ этого циклического процесса позволяет определить специфику психической деятельности. Психика определяется как вызывающее аффекты отражение деятельности на своего субъекта. Клеточная форма психической деятельности, аффект, представляет собой такое состояние действующего тела, вследствие которого увеличивается или уменьшается деятельностный потенциал тела, т.е. уровень мотивации и ассортимент схем деятельности. Простейшим аффектом является желание; в процессе предметной деятельности желание выполняет ориентировочную функцию и превращается в аффекты удовольствия или недовольства – «первичные формы чисто психического поведения», по Выготскому. Аффект, рассматриваемый с объективной стороны, в отношении к предмету восприятия, выступает как образ чувств. В отношении к субъекту восприятия тот же самый аффект предстает как эмоция. По мере развития психической деятельности происходит дифференциация ее когнитивной и эмоциональной, предметной и рефлексивной сторон. При регулярном повторении действие становится автоматическим: схема деятельности фиксируется в структуре тела и аффективная ориентировочная реакция сменяется рефлекторной. Аффекты возникают и функционируют на «творческом» полюсе разделенной деятельности – в ситуациях, когда требуется выработать новую схему деятельности или скорректировать ранее приобретенную. Они сигнализируют об изменении внешних условий деятельности, запуская поисково-ориентировочную реакцию. В статье

приводятся доказательства того, что условно-рефлекторная деятельность производна от деятельности психической и дается критика понятия ориентировочного рефлекса.

Ключевые слова: предметная деятельность; «клеточка» психики; аффект; образ, ориентировочная реакция, условный рефлекс.

Информация для цитирования: Майданский А.Д. Эволюция психики: предметная деятельность и аффект // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2021. Т.7. №3. С. 68-81. DOI: 10.18413/2313-8971-2021-7-3-0-6.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Научного Фонда (РНФ), проект № 20-18-00028 «Культурно-историческая психология в архивах ее творцов».

To the 125th Anniversary of the Birth of L.S. Vygotsky.

A.D. Maidansky 

The evolution of the psyche: object-oriented activity and affect

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia;
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Russian Federation,
bld.1, 12 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia
caute@yandex.ru

*Received on August 08, 2021; accepted on September 10, 2021;
published on September 30, 2021*

Abstract. *Relevance.* The solution of all other problems of scientific psychology depends on the solution of the problem of the nature and evolution of the psyche. In post-Vygotsky activity psychology, the notion of affect was not at the forefront. *Objective:* To continue the study of the psyche as a form of affective activity begun by Vygotsky. *Methodology and methods:* The principle of activity and the cultural-historical approach in human psychology. *Results of the research:* Following Spinoza and Vygotsky, adopting affect as the “alpha and omega” of mental life, the author traces the initial stages of mental evolution in the process of subject activity. Phase analysis of this cyclical process allows us to determine the specificity of mental activity. The psyche is defined as an affect-inducing reflection of activity on its subject. The cellular form of mental activity, affect, is a state of the acting body, due to which the activity potential of the body, i.e. the level of motivation and the assortment of activity schemes, increases or decreases. The simplest affect is desire; in the process of subject activity, desire performs an orientation function and turns into the affects of pleasure or dissatisfaction, the “primary forms of purely mental behavior”, according to Vygotsky. Considered from the objective side, in relation to the object of perception, affect acts as an image of the senses. In relation to the subject of perception, the same affect appears as an emotion. As mental activity develops, its cognitive and emotional, and its subject and reflexive sides become differentiated. With regular repetition, action becomes automatic: the pattern of activity is fixed in the structure of the body, and the affective orienting reaction is replaced by the reflexive one. Affects arise and function at the “creative” pole of divided

activity – in situations when a new scheme of activity needs to be developed or a previously acquired one needs to be corrected. They signal a change in the external conditions of activity, triggering a search-oriented reaction. The article provides evidence that conditionally-reflex activity is derived from mental activity and gives a critique of the concept of the orienting reflex.

Keywords: object-oriented activity; “germ cell” of psyche; affect; image; orienting reaction; conditioned reflex.

Information for citation: A.D. Maidansky (2021), “The evolution of the psyche: object-oriented activity and affect”, Research Result. Pedagogy and Psychology of Education, 7 (3), 68-81, DOI: 10.18413/2313-8971-2021-7-3-0-6.

Financing: The research was financially supported by the Russian Science Foundation (RSPF), Project No. 20-18-00028 “Cultural-Historical Psychology in the Archives of its Creators”.

Современная психология, не имеющая компаса и карты,
должна идти по звездам: Спинозы.
Л.С. Выготский

Введение (Introduction). В марксистской психологии с первых лет ее существования начались поиски элементарной единицы, или «клеточки», психики. Маяком служил «Капитал». В Предисловии к первому изданию Маркс сравнивал товар с живой клеткой тела, а затем показывал, как из простого отношения обмена товаров вырастает буржуазная экономическая формация.

На роль единицы психической жизни претендовали «реакция» (К.Н. Корнилов), «акт поведения» (М.Я. Басов) и «установка» (Д.Н. Узнадзе), «действие» и «поступок» (С.Л. Рубинштейн). Л.С. Выготский ищет особую клеточку для каждой психологической формации¹. Так же действовал и Маркс, у которого товар образует клеточку лишь одной, капиталистической формации. Клеточной формой психики, согласно Л.С. Выготскому, является *аффект*; единицей речевого мышления – *значение*; единицей сознания – *переживание* (Выготский, 2005: 76; 2017: 455, 2001: 213). А.Н. Леонтьев предложил на роль первичной клеточки

психики ощущение, понятое как ориентировочная реакция на абиотическое раздражение, и создал впечатляющую картину филогенеза психических форм в ответ на изменение предметной среды (Леонтьев, 1959).

Впоследствии большие нарративы вышли из моды, отечественная и мировая психология приняли на вооружение «теорию малых дел». Поиски клеточек сделались редкостью.

В нашей историко-научной и учебной литературе, с подачи М.Г. Ярошевского еще полвека тому назад, восторжествовал скепсис. «Категориальная система психологии не может быть выращена из какого-то одного-единственного “зернышка”» (Петровский, Ярошевский, 2003: 33). Похоже, авторы толкуют «выращивание категориальной системы» как необязательный методический прием, а не как теоретическое изображение реального исторического процесса формирования предмета мысли.

Всё сложное вырастает из простого. Каждая наука обязана проследить процесс развития изучаемого круга явлений из первичной, простейшей формы, как бы эта форма ни называлась – «архэ», «монада» или «прафеномен» (у Гёте). Любое, сколь угодно сложное органическое целое произ-

¹ Бытует ошибочное мнение, будто Выготский «последовательно переходил» от одной единицы к другой. Уверяют даже, что, доведись ему прожить подольше, «он бы отказался от этих фактически безнадежных поисков» (Петровский, Ярошевский, 2003: 4). Манолис Дафермос констатировал постигшую Выготского «неудачу (failure) в поиске “клеточки” психологии» (Dafermos 2014: 13; 2018: 120).

растает из одной-единственной «стволовой» клетки. Сама Природа так, и только так, выращивает и флору, и фауну, и человеческое общество. Так же развивалась и психика, и до тех пор, пока этот процесс не понят, психика будет выглядеть коллекцией функций и феноменов, перечисляемых через запятую, а по сути столь же разнородных, как оперная ария и нотариальная пошлина. Подобного рода коллекцию можно увидеть, открыв любой учебник психологии.

Итак, задача научной психологии состоит в том, чтобы логически, «дедуктивно» реконструировать процесс развития психической деятельности, от самого ее начала – до наивысших известных форм. Для этого требуется:

– определить первичную, элементарную форму существования психики и исследовать ее внутреннюю структуру;

– выяснить, каким образом и в какой последовательности из нее развиваются «психологические формации», у каждой из которых имеется *своя* стволовая клеточка.

Найти клеточку непросто, но намного труднее вырастить из нее *эволюционное древо психики* – вывести ряд необходимых всеобщих форм ее развития. Эта задача, по сути, никем и не ставилась. Исследование сложных, «многоклеточных» явлений душевной жизни ограничивалось разложением на простые единицы и элементы², после чего между ними, в лучшем случае, выявлялись какие-то связи. Ни у кого из психологов-марксистов нет и следа *дедукции* форм психики, наподобие той, что мы находим в первой главе «Капитала». В настоящей статье мы приступим к решению этой дедуктивной задачи.

Цель исследования: продолжить начатое Выготским исследование психики как формы аффективной деятельности.

Методология и методы: принцип деятельности и культурно-исторический подход в психологии человека.

Основная часть. I. Фазы предметной деятельности и природа аффектов.

Примем за аксиому, что психика возникает и существует в процессе предметной деятельности («предметной» она именуется с целью отличить ее от деятельности нервной, мышечной, секреторной). Посмотрим, как в процессе предметной деятельности образуется психика и что собой представляет «психическое отражение» действительности.

С.Л. Рубинштейн и некоторые последователи А.Н. Леонтьева решали проблему чрезвычайно просто: мысленно порубим деятельность на кусочки – «действия», «поступки», «акты поведения» – вот и готова клеточка психики. Это логически негодное решение: единица *деятельности вообще* выдается за единицу *психической* деятельности. И лет через сорок после рождения на свет теории деятельности «природа самой психической деятельности по-прежнему оставалась неизвестной», как заявил в лицо Леонтьеву его ближайший соратник (Гальперин 2004: 329).

Деятельность – это циклический процесс, состоящий из последовательного ряда фаз. Определим, что такое деятельность, продelaем ее фазовый анализ и посмотрим, в какой из этих фаз деятельность обретает психическую форму.

Деятельностью вообще мы называем движение живого тела, совершаемое им ради сохранения себя и своего вида. В этом смысле деятельность может быть определена как самодвижение или целесообразное движение тела. Разумеется, устройство и состояние тела должно быть пригодно к осуществлению деятельности, той или иной. Назовем эту способность тела к действию его *деятельным потенциалом*.

Конечной целью деятельности является самосохранение, в широком смысле слова, включая поддержание жизни вида – того целого, живой частицей которого является особь, индивидуум. Самосохранение осуществляется при помощи внешних тел, превращаемых в предметы деятельности. Потребность (*appetitus*) в такого рода предме-

² «В элементе не содержатся свойства, присущие целому, единица же характеризуется тем, что она есть такая часть целого, в которой содержатся, хотя бы в зачаточном виде, все основные свойства, присущие целому» (Выготский, 2001: 35).

тах Спиноза считал сущностью всякого живого существа, включая и человека. Предмет потребности выступает как *мотив* деятельности, по верному определению Леоныева.

Таким образом, в первой своей фазе деятельность существует как потенция плюс мотив. Говорить о психике здесь еще не приходится.

Вторая фаза – живой процесс деятельности, в ходе которого тело *A* превращается в орган деятельности, а тело *B* – в ее предмет. Из фазы *потенциальной* деятельность переходит в фазу *реальную, актуальную*.

Третью по счету фазу осуществления деятельности можно назвать *рефлексивной*. Здесь только и возникает психика, психическая форма деятельности. В материальном мире всякое действие встречает противодействие и отражается на действующем субъекте – изменяет не только предмет, на который оно непосредственно направлено, но и того, кто действует. В этом процессе отражения, или «рефлексии», субъект деятельности оказывается ее объектом, и наоборот. Психика, собственно, и является *формой отражения* деятельности в самое себя. Искомая специфика психической деятельности состоит в том, что это деятельность отраженная, рефлексивная.

Речь идет об отражении именно *предметной деятельности*, а не вещей самих по себе, как представлялось школьной, наивно-материалистической «теории отражения» советских времен. В деятельностной форме отражаются те и только те стороны и свойства вещи, которые соответствуют мотиву (биологическому или культурному). Сам по себе предмет-мотив еще не психическое явление – таковым он становится, лишь отразив себя в аффективном «зеркале», т.е. вызвав соответствующий *аффект*. Это слово происходит от глагола «*afficere*» (лат. воздействовать), а тот, в свою очередь, от «*facere*» (делать).

Отражаемая предметом, деятельность рикошетом возвращается к субъекту, изменяя его тело в соответствии с характером предмета деятельности и величиной соб-

ственной энергии действия. Если при этом изменяется деятельностный потенциал (устройство и состояние, включая уровень мотивации) тела, перед нами – аффект.

Удовлетворение базовых биологических потребностей делает организм внешне пассивным (расслабленным, вялым, сонливым). Мотивы на время перестают «работать», т.е. вызывать аффекты; предметная деятельность оттесняется на задний план внутренними, физиологическими процессами, а у человека вдобавок – культурными практиками. Переключение режима деятельности всегда и повсюду сопровождается и регулируется соответствующими аффектами.

Аффицировав своего субъекта, деятельность вернулась в исходный пункт, в свою первую фазу, но изменился ее потенциал – он вырос либо уменьшился. Если же способность действовать остается прежней, т.е. совершаемое действие не оказывает существенного влияния на последующий ход деятельности, аффект не возникает.

Это нетривиальное понятие аффекта предложил Спиноза. В его «Этике» дается следующее определение: «Под *аффектами* я разумею состояния тела (*corpōis affectiones*), которые увеличивают или уменьшают способность самого тела к действию, благоприятствуют ей или ограничивают ее, а вместе с тем и идеи этих состояний» (Спиноза 1993: 87).

Описанные Спинозой динамические состояния тела³ и есть то, что сегодня мы называем «психикой». Как организм состоит из клеточек, так психика состоит из аффектов. Аффекты – «материя» психики, ее плоть и кровь. Всё прочее содержимое психики имеет аффективную генеалогию либо – в случае высших, культурных психологических функций и понятий, идей – усваивается (вращивается, интериоризуется) через посредство аффективных состояний тела.

Аффекты бывают активными и пассивными (*passio* по-латински значит «страсть»). Первые проистекают из природы

³ «Идеи этих состояний» оставим в стороне – они относятся к теме мышления и высшей психики.

действующего тела, обусловлены его потребностями – они укрепляют деятельностный потенциал и способствуют сохранению жизни. Вторые обусловлены воздействием пагубных внешних причин, ослабляющих деятельность и разрушающих структуру тела.

Первичным, корневым аффектом Спиноза правомерно считает *желание* (*cupiditas*). Это конкретно-психологическая форма, в которую у всех живых существ облекается потребность (все равно, органическая или культурная). Удовлетворенное желание именуется «радостью» (*laetitia*), неудовлетворенное – «печалью» (*tristitia*). Все прочие аффекты представляют собой модификации этих трех и различаются между собой в зависимости от характера предмета деятельности. Чем шире круг предметной деятельности, тем сложнее и разнообразнее испытываемые телом аффекты, т.е. его психическая жизнь.

Культурные, идеальные аффекты, особенно если они развиты искусством, отличаются от натуральных аффектов так же, как ботанический сад – от тайги. Это состояния не органического тела, но предметного тела культуры, созданного трудом. Спиноза еще не различал эти две категории аффектов.

Возвращаясь к дефиниции аффектов, отметим, что речь в ней идет о *величине* способности действия (*agendi potentia*), *увеличении или уменьшении* деятельного потенциала тела. В состоянии аффекта, во-первых, обостряется либо угасает стремление действовать, изменяется уровень мотивации; во-вторых, расширяется либо, наоборот, сокращается ассортимент схем деятельности. Во втором случае понятие аффекта характеризует увеличение/уменьшение разнообразия способов жизнедеятельности. Способность «изменяться (*affici*) многими способами» является для Спинозы критерием «совершенства» (*perfectio*) вещи, или показателем достигнутой ею высоты на эволюционной лестнице, выражаясь более современным слогом.

Деятельный потенциал тела включает в себя, наряду с энергетическими ресурсами, всю совокупность схем деятельности: в

физиологическом плане – рефлексы и их динамические комплексы, «функциональные органы» нервной деятельности; в плане психологическом – поисково-ориентировочные и эмоционально-выразительные реакции плюс образы восприятия (в предельно широком смысле слова, начиная с элементарного ощущения).

II. Психологическая структура деятельности.

Всякая наука осуществляет особый срез в предмете исследования⁴. Изучаемый психологией срез предметной деятельности очерчивает категория отражения (рефлексии). Но далеко не всякое отражение – психическое, таковым является лишь отражение аффективное, увеличивающее или уменьшающее деятельный потенциал тела. Аффекты суть отражения прошлой и регуляторы предстоящей деятельности. Как бог дверей Янус, психика обращена одним своим ликом в прошлое, а другим – в будущее.

Величина отражения определяется, с одной стороны, силой, с которой предмет сопротивляется деятельности, а с другой – энергией, которую расходует в процессе деятельности субъект. Чем больше та и другая, тем мощнее обратный эффект деятельности – аффект.

В психологическом плане предметная деятельность выглядит как поток аффектов, возникающих и угасающих, регулирующих направление и интенсивность деятельности. *Психология есть наука о производстве аффектов* (в процессе предметной деятельности) *и обмене аффектами* (в процессе общения).

Не стоит переоценивать возможности психологии: ее срез позволяет видеть лишь одну, притом вторичную – рефлексивную, сторону деятельности. Психика не госпожа, а служанка: она обслуживает поначалу биологические, а затем еще и общественные процессы жизнедеятельности.

Психологический срез предметной деятельности можно представить в виде схемы:

⁴ См.: Науменко 1968: 10-12.



Рис. Предметная деятельность в психологическом срезе
Fig. Objective activity in the psychological aspect

Предмет деятельности *B* выступает в роли рефлектора, возвращающего субъекту *A* его собственное действие, модифицированное ответным действием предмета. Возникающий при этом аффект представляет собой «сплав», или синтез, состояний тел *A* и *B*.

Всякая внешняя вещь *B*, изменяющая состояние тела *A* так, что его деятельный потенциал увеличивается или уменьшается, вызывает аффект и тем самым становится психологическим феноменом, а именно – *образом восприятия*.

Психический образ есть такое аффективное состояние тела *A*, в котором представлено состояние внешнего тела *B*, измененное деятельностью тела *A*. Степень адекватности образа определяется коэффициентом взаимного преломления состояний *A* и *B*. Чем больше общего в природе взаимодействующих тел, тем «чище», отчетливее воспринимаемый образ. И наоборот, чем разнороднее «сплав» состояний тел *A* и *B*, тем более смутным получается образ.

С каждым новым образом, полученным в ходе предметной деятельности, увеличивается способность тела к действию, *agendi potentia*. Его деятельность становится более разнообразной и целесообразной, так сказать, «зрячей».

В отсутствие аффекта психические образы не возникают. Лишенные аффективной окраски вещи и процессы не оставляют за собой ни малейшего психологического следа, никакого образа. Внешние факторы могут оказывать значительное – вплоть до фатального: вирусы, радиация и пр. – воздействие на жизнедеятельность организма, но в психологические феномены они превраща-

ются, лишь когда они вызывают хотя бы минимальную аффективную реакцию.

В деятельностной психологии этот момент сплошь и рядом упускается из виду. Аффекты, эмоции трактуются как эпифеномены познавательной, ориентировочной деятельности или некие «липнущие на ситуацию метки» (Леонтьев, 2001: 466).

А вот Выготский уже в первой своей большой работе продемонстрировал ярко выраженный *деятельностный подход к эмоциям*. «Эмоциональная реакция, как реакция вторичная, – могущественный организатор поведения. В ней реализуется активность нашего организма. ... Вот этот момент активности в эмоции составляет самую важную черту в учении о ее психологической природе» (Выготский, 1996: 101).

«Переход к психическому типу поведения, несомненно, возник на основе эмоций», – прибавляет Выготский. Первенство эмоций в ряду форм психической жизни эмпирически подтверждается тем, что у ребенка реакции удовольствия и неудовольствия (аффекты «радости – печали», по Спинозе) возникают раньше всех остальных. Они-то и являются «первичными формами чисто психического поведения» (Выготский, 1996: 101).

Убеждение в первенстве аффекта среди форм психической деятельности в дальнейшем получает у Выготского подкрепление в экспериментах с детьми и окончательно упрочивается после ознакомления с классической работой У. Кеннона (1927). В зрелый период творчества Выготский постулировал, что «всякая деятельность предполагает наличие известного аффективного побуждения» (Выготский, 2003: 327). Разрядка аффекта в действии – зачастую не-

произвольном и неосознанном – сама по себе становится мощной потребностью, особенно у отсталых детей, живущих в плену своих аффектов.

«Аффект открывает процесс психического развития ребенка и построения его личности и замыкает собой этот процесс, завершая и увенчивая развитие личности в целом. ...Аффект есть альфа и омега, начальное и конечное звено, пролог и эпилог всего психического развития» (Выготский, 2005: 76).

Психика начинается с *желания*, осуществляемого в предметной деятельности. И венчается эта деятельность одним из двух полярно противоположных аффектов, в зависимости от того, сумела ли она удовлетворить движущее ею желание.

Будучи отраженной формой деятельности, эмоция мотивируется предметом, тем или иным. Желание всегда есть желание чего-то более или менее конкретного. Напрашивается ложный вывод, что восприятие предмета первично по отношению к эмоции. Меж тем, само различие между образом восприятия и эмоцией возникает в ходе эволюции, на известной ступени развития предметной деятельности. Простейшее чувственное восприятие, ощущение, представляет собой *смутный аффект*, в котором еще не различимы восприятия себя и «иного», т.е. предмета деятельности. Поэтому вопрос, что первично – образ или эмоция, – здесь лишен смысла, да и сами термины эти не вполне уместны.

А.Н. Леонтьев однажды, в записях для себя, заметил, что «ощущение возникает как чувствование, как смутное ощущение – аффект» (Леонтьев, 1994: 164). В его университетских лекциях говорится, что древнейшие формы чувствительности «носят диффузный характер»: в них еще отсутствует граница между состояниями чувствующего тела и воспринимаемых им внешних тел. «Дифференциация функций чувствительности на гностическую (собственно познавательную) чувствительность и чувствительность в смысле эмоционального состояния медленно происходит на протяжении всей

биологической эволюции» (Леонтьев, 2001: 51).

На самом деле, не только элементарное ощущение, но и всякий сколь угодно сложный чувственный образ представляет собой получаемый в ходе деятельности сплав состояния действующего тела с отраженной формой внешнего предмета. Так устроен любой аффект.

Положение об аффективной природе психики, к сожалению, не получило освещения в печатных работах Леонтьева, не говоря уже о дальнейшем, системном развитии этой мысли.

В поздних лекциях по педологии Выготский, говоря о развитии сознания в раннем детстве, указывает, что самой первой от «остального сознания» отделяется функция «аффективного восприятия, т.е. еще не дифференцированные между собой эмоции и восприятия». При выходе из младенческого периода эта функция занимает доминирующее положение и «определяет собой всю деятельность сознания» (Выготский, 2001: 99-100).

Аффективное восприятие – всегда и только оно одно: у животного и человека, взрослого или младенца – *запускает ориентировочную реакцию*. Аффективный разряд фиксирует внимание на вызвавшем его предмете, инициируя процесс обследования источника аффекта.

Аффект желания не только *отражает и стимулирует* деятельность, но и *ориентирует* ее на «желаемое» – полезный предмет, захваченный предшествующим, поначалу «слепым», циклом деятельности. В этом смысле аффект и впрямь представляет собой метку, «липнущую» на те предметы, что отвечают потребности самосохранения. В последующем эта аффективная метка становится *ориентиром* предметной деятельности – выполняет ту самую ориентировочную функцию, с которой Леонтьев и особенно Гальперин связывают специфику психической деятельности.

Аффект делает поведение зрячим, открывает всему живому «глаза» на предметный мир. Ясный образ чувств представляет

собой не что иное, как *развитой активный аффект*. Это понимал уже Спиноза¹, и это как раз тот случай, когда современной психологии, «не имеющей компаса и карты», стоит последовать за его звездой.

Образ есть аффект, рассматриваемый с его объективной стороны, в отношении к предмету восприятия. Эмоция – это *тот же самый аффект*, но взятый с субъективной стороны, в отношении к субъекту восприятия. По природе своей образ и эмоция суть просто одно и то же, а именно, аффект, рассматриваемый с противоположных сторон – предметной и рефлексивной, внешней и внутренней, объективной и субъективной (или «феноменальной», как выражался Выготский).

Восприятие внешнего мира и восприятие своего тела есть один и тот же процесс, рассматриваемый в первом случае в когнитивной (по Леонтьеву, «гностической»), во втором – в эмоциональной плоскости. Мое тело в каждый миг своей жизни непрерывно взаимодействует с внешними телами, поэтому разделить два полюса чувственного восприятия – себя и внешнего мира – можно лишь мысленным актом абстракции.

По завершении цикла предметной деятельности схема ее протекания запечатлевается в виде *образа памяти*, и этот мнемический след тем прочнее, чем мощнее был аффект. Другим, структурным отпечатком деятельности становится *рефлекс*.

III. Разделение деятельности: ориентировочная реакция и рефлекс.

Эволюционное развитие деятельности идет по линии ее дифференциации и специализации. Первое великое разделение деятельности происходит с появлением на свет автоматической реакции. Когда мотивы и значимые условия осуществления деятельности практически не меняются, она приобретает рефлексорный характер. Так проис-

ходит с любой, не только предметной, деятельностью.

Так же обстоит дело и с разделением общественного труда; разница лишь в том, что человек трудящийся передает рутинные, стереотипные операции машинам и силам природы, а организм передает их в ведение нервной системы. Физиологическая «машинерия» берет на себя всю черную работу, не требующую выработки новых или координации наличных схем деятельности с меняющимися условиями среды. Хотя и тут, особенно на уровне «высших автоматизмов», осуществляется тонкая коррекция этих схем, или, как изъяснялся Н.А. Бернштейн, «корригирование целевого движения афферентацией пространственного поля» (Бернштейн, 1997: 170).

Рефлексы представляют собой стереотипные двигательные реакции, фиксированные в структурах тела: «отвердевшие и отложившиеся произвольные движения» (Выготский, 1930: 95). Рефлекторное воспроизведение успешных движений тела упрощает деятельность, повышает ее эффективность в привычных условиях, шлифует и упрочивает схемы действий, но не добавляет ничего *нового* к деятельному потенциалу тела. Никакие аффекты при этом не возникают.

Аффекты аккумулируются на противоположном, «творческом» полюсе разделенной деятельности. Они возникают, когда требуется выработать новую схему деятельности или существенно изменить имеющуюся. Пока внешние, предметные условия деятельности остаются относительно неизменными, никакой нужды как-либо менять образ действий живое существо не испытывает, прекрасно обходясь рефлексам. Аффект сигнализирует об изменении внешних условий деятельности и рассогласовании афферентных импульсов с центральными нервными моделями. Аффективный сигнал запускает цикл поисково-ориентировочной деятельности, стремящейся согласовать поведение организма с *новыми* обстоятельствами и завершающейся, опять-таки, аффектом – и в случае успеха, и при неудаче

¹ «Образы вещей, как мы сказали, суть самые состояния (affectiones) человеческого тела, иными словами – аффекты, которым тело человеческое подвергается (afficitur) со стороны внешних причин и которыми оно располагается к тому или другому действию» (Этика III, теорема 32, схолия).

(в диапазоне от горя до эйфории).

Тяжелые последствия для отечественной науки имело введенное И.П. Павловым понятие ориентировочного *рефлекса*. Открыто возразил корифею, кажется, один Н.А. Бернштейн². Выготский промолчал, а его школа на удивление дружно взяла это понятие на вооружение, постаравшись лишь отмежевать его от «ориентировочной деятельности (поведения)». Ни тени сомнения в существовании такого рефлекса! Ученица и соавтор Лурия О.С. Виноградова написала целую книгу об ориентировочном рефлексе (Виноградова, 1961).

Психологи, впрочем, предпочитали переодевать ориентировочный рефлекс в более приличествующую их научной дисциплине одежду, сближая и даже отождествляя его с «непроизвольным вниманием». Меж тем академик Павлов называл этот рефлекс «исследовательским» и утверждал, что у человека он развивается, ни много ни мало, в науку. Непроизвольным вниманием дело тут явно не ограничилось. «Ориентировочный рефлекс» – химера из области павловской мифологии, наряду с рефлексами свободы и рабства, «рефлексом коллекционерства» (денег у скряги!) и т.п.

Попытка разобраться в работе ориентировочного рефлекса глубоко озадачила Павлова и его сотрудников. Проблема в том, что все прочие, нормальные рефлексы реагируют исключительно на знакомые, типовые раздражители, в то время как в данном случае мы имеем дело с *реакцией на новое*. Вдобавок – с реакцией избирательной, возникновение и характер протекания которой зависит от прошлого опыта деятельности и от текущего состояния организма³. К примеру, обнаружилось, что введение кофеина обостряет ориентировочные реакции собак и растормаживает давно угасшие. Стало быть, рефлекс этот действует *не безусловно*.

² «Группа так называемых ориентировочных реакций (конечно, не рефлексов!)» (Бернштейн 1990: 438).

³ «Факты свидетельствуют о том, что не может быть ориентировочно-исследовательской реакции “вообще”, не связанной ни с чем, оторванной от предшествующего опыта животного и от тех доминант, которые образовались в прежнем опыте животного» (Анохин, 1958: 12).

Тем не менее ориентировочный рефлекс пришлось отнести к числу безусловных, врожденных, а не приобретенных. Полностью угасить его практически невозможно, но в каждом отдельном случае он способен угасать сам собой уже после нескольких повторных раздражений, причем «исчезание исследовательского рефлекса ... вполне аналогично в отношении подробностей угасанию условных рефлексов» (Павлов, 1951: 269).

Наконец, в отличие от прочих рефлексов, этот бывает, по выражению Павлова, «бескорыстным» – и не только у людей науки, таких как сам Иван Петрович. В Колтушах он был поражен «чистейшей бескорыстной любознательностью» шимпанзе Розы, упорно бившейся над решением задач, не сулящих ей «никаких выгод» (те же самые задачи оставляли равнодушным прагматика-самца по кличке Рафаэль). Дай Бог каждому ученому *так* увлекаться своими опытами, заметил Павлов.

Усмотрев кровное родство ориентировочного рефлекса с *аффектом любопытства*, Павлов оказался в шаге от истины – открытия аффективной (=психологической) природы ориентировочной реакции. Конечно, и на аффект можно смотреть глазами физиолога – как на комплекс нервных процессов или «колебание общего тона» мозговой активности, – но изучение мозга так же мало освещает природу аффектов, как и природу нумизматики или рабовладения.

Мыслители павловской школы, не сумев распутать описанный выше клубок аномалий, постановили, что ориентировочные рефлексы «*по происхождению* своему являются *врожденными*, а *по форме протекания* похожи на *приобретенные* реакции» (Орбели, 1964: 372). О.С. Виноградова именует это «признанием сложной условно-безусловной, корково-подкорковой, двойственной природы ориентировочного рефлекса» (Виноградова, 1961: 14).

Столкнулись с противоречивым явлением? Объявите его природу двойственной: с одной стороны, дело обстоит так, с другой –

этак. Соломонов метод решения научных проблем...

На самом деле ориентировочная реакция является полной противоположностью реакции автоматической, рефлекторной. Правда, она имеет характерную физиологическую симптоматику (от настройки анализаторов на непривычный раздражитель – до особых кожно-гальванических изменений), но то же самое можно сказать о любом аффекте или мыслительном процессе: застывший взгляд, морщины на лбу. Павлов принял симптомы аффектации за проявления некоего «ориентировочного рефлекса»; подобным же образом он усматривал «рефлекс рабства» в преклонении колен или предательстве товарища.

Характеристика физиологических процессов при ориентировочной реакции: «повышение общего тонуса жизнедеятельности организма, повышение его готовности к восприятию раздражителя, анализу и ответу на раздражитель» (Виноградова, 1961: 20; ср.: Хайнд, 1975: 144), – в точности совпадает с описанием *активного аффекта*. Обострение восприятий, повышение общего тонуса и готовности организма к действию – в физиологии эмоций всё это стало общим местом давным-давно, после трудов Ч. Шеррингтона и У. Кеннона. «Эмоция активизирует нас» (Выготский, 1984: 215).

Аффектам новизна событий благоприятствует – обостряет эмоции, делает ярче образы, а монотонное повторение их ослабляет и угашает (так же, как и ориентировочную реакцию). Рефлекс, напротив, без повторения гаснет, всё новое ему безразлично или противно. Неудивительно, что попытки подвергать ориентировочную реакцию под антагонистичное ей понятие рефлекса оканчиваются нагромождением противоречий.

Ученик Павлова П.К. Анохин, признавал, что сама постановка вопроса о «рефлексе новизны» оказалась неудачной, поэтому предпринятое в 1922 году исследование вскоре зашло в тупик и было прекращено. «После того как в школе Павлова была констатирована ориентировочная реакция, была определена *ее передовая роль в обра-*

зовании условного рефлекса, она больше не подвергалась серьезному анализу. ...Ее физиологическая архитектура и все, что связано с ее проявлением, оставались неизвестными» (Анохин, 1958: 9; курсив наш. – А.М.).

Анохин перестал называть ориентировочную реакцию «рефлексом» и принялся доказывать, что это – *целостная реакция*, специфическая деятельность целого организма, со своими соматическими и вегетативными компонентами, которые также не вправе считаться «отдельными самостоятельными рефлексами» (Анохин, 1958: 9-10).

С ориентировочной реакции на нейтральный раздражитель (вспышку лампы, стук метронома или иной «агент») *начинается* образование условного рефлекса. В этом и заключается ее «передовая роль», отмеченная Анохиным. Ту же роль ориентировочного «рефлекса» подчеркивали Леонтьев и Гальперин⁴.

Втягивая в орбиту предметной деятельности «посторонние» вещи, ориентировочная реакция расширяет круг деятельности далеко за пределы «безусловных раздражителей». Деятельностный потенциал живых существ при этом колоссально растет: предметом деятельности становится любая вещь, попавшая в поле аффективного восприятия, какой угодно «индифферентный раздражитель». Интенсивность и устойчивость ориентировочной реакции прямо пропорциональна силе вызвавшего ее аффекта.

Условный рефлекс образуется, когда между стимулом и реакцией вклинивается аффект, вызывающий «положительную, активную реакцию животного на всякое колебание в окружающей его обстановке» (Павлов, 1973: 92). Фиксация схемы этой аффек-

⁴ «Ориентировочный рефлекс, увязывая безразличный раздражитель с безусловным, прокладывает путь для дуги условного рефлекса... Ориентировочный рефлекс *сам по себе* способен устанавливать связи двух любых раздражителей» (Леонтьев, 1994: 215). «Как показали специально поставленные опыты, без участия ориентировочного рефлекса не могут быть образованы условные рефлексы, между тем новая прочная условная связь может быть образована на одном ориентировочном рефлексе, без всякого другого, “делового” подкрепления» (Гальперин, Кабыльницкая, 1974: 11).

тивной реакции в структуре тела делает реакцию автоматически повторяющейся – рефлексом. В этот самый миг, в фазе физиологического «отвердения», реакция перестает быть ориентировочной, «исследовательской»: из реакции на новое, неизвестное, она превращается в рефлекторную реакцию на уже известное.

Отсюда следует, что условно-рефлекторная деятельность *вторична, производна* от деятельности психической. Объяснять психические явления условными рефлексам значит ставить телегу впереди лошади – переворачивать с ног на голову реальную причинно-следственную связь психики и «физики».

Заключение (Conclusions). Мы проследили первые фазы развития психики из «клеточки» аффекта. Выяснилось, что состояние аффекта возникает вследствие отражения предметной деятельности, когда ее полюса меняются местами: субъект становится объектом, и наоборот. Аффект есть вызванное ответным действием предмета возмущение в состоянии действующего тела, из-за чего его способность к действию растет или снижается. Чем шире круг предметов деятельности, тем разнообразнее аффективные состояния тела. В отношении к предмету деятельности аффект выступает как образ восприятия, выполняющий ориентировочную функцию. Элементарным аффектом является желание; в процессе деятельности желание превращается в аффект удовольствия либо недовольства. В первичных аффектах чувствование предмета и самочувствие слиты; дальнейшее развитие аффективной формы деятельности (=психической жизни) состоит в дифференциации когнитивной и эмоциональной ее сторон. Регулярное повторение действия приводит к его автоматизации с фиксацией схемы деятельности в структуре тела; в итоге аффективная ориентировочная реакция сменяется рефлекторной.

В небольшой статье, конечно, невозможно проследить метаморфоз аффекта от альфы до омеги. Были оставлены в стороне процессы *взаимодействия аффектов*. В хо-

де предметной деятельности живые существа вступают в контакт друг с другом, совершая обмен аффектами. Таким образом деятельность приобретает форму *общения*, где психика имеет дело с *другой* психикой, или со своим «инобытием», как говаривал один темный немецкий философ. Если в процессе ориентировочной деятельности психика обслуживала жизнь тела, то в процессе общения психика обретает свою собственную, «внутреннюю» жизнь. Из материи эмоционально-выразительных реакций здесь формируется «грандиозная сигнализация речи» (Павлов).

Необходимо проследить развитие общения от его простейших – до высших, культурных форм, когда общение вступает в союз с мышлением и возникает коллизия понятия и аффекта. Культурный обмен аффектами регулируется понятиями (искусство, религия, спорт) и тесно переплетается с обменом мыслями, идеями. Тут вырастает «*центральная проблема всей психологии – свобода... Свобода: аффект в понятии*» (Выготский, 2017: 256). В конце жизни Л.С. Выготский именовал эту проблематику «вершинной психологией», и такова, на наш взгляд, магистральная линия развития культурно-исторической теории деятельности.

Список литературы

Анохин П.К. Роль ориентировочно-исследовательской реакции в образовании условного рефлекса // Ориентировочный рефлекс и ориентировочно-исследовательская деятельность. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958. С. 9-20.

Бернштейн Н.А. Биомеханика и физиология движений. М.: Институт практической психологии, 1997. 608 с.

Виноградова О.С. Ориентировочный рефлекс и его нейрофизиологические механизмы. М.: Издательство АПН РСФСР, 1961.

Выготский Л.С. Записные книжки. Избранное. М.: Канон+, 2017. 607 с.

Выготский Л.С. Лекции по педологии. Ижевск: Удмуртский университет, 2001. 304 с.

Выготский Л.С. Педагогическая психология / Под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика-Пресс, 1996. 534 с.

Выготский Л.С. Проблема умственной отсталости // Выготский Л.С. Основы дефектологии. СПб.: Лань, 2003. С. 321-354.

Выготский Л.С. Младенческий возраст // Выготский Л.С. Психология развития ребенка. М.: Смысл, Эксмо, 2005. С. 38-199.

Выготский Л.С. Структурная психология // Основные течения современной психологии. М.; Л.: Госиздат, 1930. С. 84-125.

Выготский Л.С. Учение об эмоциях. Историко-психологическое исследование // Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 6. С. 91-328.

Гальперин П.Я. Стенограмма выступления на дискуссии о проблемах деятельности // Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2004. С. 324-335.

Гальперин П.Я., Кабыльницкая С.Л. Экспериментальное формирование внимания. М.: Изд-во МГУ, 1974. 101 с.

Кеннон В. Физиология эмоций: телесные изменения при боли, голоде, страхе и ярости. Л.: Прибой, 1927. 174 с.

Леонтьев А.Н. Философия психологии: Из научного наследия. М.: Изд-во МГУ, 1994. 287 с.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во АПН, 1959. 495 с.

Лурия А.Р. Природа человеческих конфликтов: Объективное изучение дезорганизации поведения человека. М.: Когито-Центр, 2002. 527 с.

Науменко Л.К. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата: Наука, 1968. 327 с.

Орбели Л.А. Учение И. П. Павлова об условных рефлексах // Орбели Л.А. Избранные труды, в 5 т. М.-Л.: Наука, 1964. Т. 3. С. 350-408.

Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М.: Наука, 1973. 659 с.

Павлов И.П. Лекции о работе больших полушарий головного мозга // Павлов И.П. Полное собрание сочинений, 2-е доп. изд. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. Т. IV. 451 с.

Спиноза Б.Этика. СПб.: Аста-пресс, 1993. 248 с.

Хайнд Р. Поведение животных: синтез этологии и сравнительной психологии. М.: Мир, 1975. 855 с.

Dafermos, Manolis. Rethinking Cultural-Historical Theory: A dialectical perspective to Vygotsky. Singapore: Springer, 2018. 309 p.

Dafermos, Manolis. Vygotsky's analysis of the crisis in psychology: Diagnosis, treatment, and relevance. *Theory & Psychology*, 2014, vol. 24(2), pp. 147–165.

References

Anokhin, P.K. (1958), Rol' orientirovochno-issledovatel'skoy reaktsii v obrazovanii uslovnogo refleksa [The role of the orienting exploratory reaction in the formation of the conditioned reflex], APN RSFSR, Moscow, Russia.

Bernshtein, N.A. (1997), *Biomekhanika i fiziologiya dvizheniy* [Biomechanics and physiology of movement], Institut prakticheskoy psikhologii. Moscow, Russia.

Vinogradova, O.S. (1961), *Orientirovochnyy refleks i ego neyrofiziologicheskie mekhanizmy* [Orienting reflex and its neurophysiological mechanisms], Izdatel'stvo APN RSFSR, Moscow, Russia.

Vygotsky, L.S. (2017), *Zapisnye knizhki. Izbrannoe* [Notebooks. A selection], Kanon+, Moscow, Russia.

Vygotsky, L.S. (2001), *Lektsii po pedologii* [Lectures on Pedology], Udmurtskiy universitet, Izhevsk, Russia.

Vygotsky, L.S. (1996), *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical psychology], Pedagogika-Press, Moscow, Russia.

Vygotsky, L.S. (2003), *Problema umstvennoy otstalosti* [The problem of mental retardation], Lan', Sankt-Petersburg, Russia.

Vygotsky, L.S. (2005), *Mladencheskiy vozrast* [Infancy], Smysl, Moscow, Eksmo, Russia.

Vygotsky, L.S. (1930), *Strukturnaya psikhologiya* [Structural psychology], Gosizdat, Moscow, Leningrad, Russian.

Vygotsky, L.S. (1984), *Uchenie ob emotsiyakh. Istoriko-psikhologicheskoe issledovanie. Sbornik sochineniy* [The teaching about emotions. Historical-psychological studies], Pedagogika, Moscow, Russia.

Galperin, P.Ya. (2004), *Stenogramma vystupleniya na diskussii o problemakh deyatel'nosti* [Stenogram of the speech at the discussion on the problems of activity], in: Leont'ev A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality], Smysl, Moscow, Russia.

Galperin, P.Ya. and Kabyl'nitskaya S.L. (1974), *Ekspperimental'noe formirovanie vnimaniya*

[Experimental attention formation], MGU, Moscow, Russia.

Cannon, V. (1927), *Fiziologiya emotsiy: telesnye izmeneniya pri boli, golode, strakhe i yarosti* [The physiology of emotion: Bodily changes in pain, hunger, fear and rage], Priboy, Leningrad, Russia.

Leontiev, A.N. (1994), *Filosofiya psikhologii: Iz nauchnogo naslediya* [Philosophy of psychology: From a scientific legacy], MGU, Moscow, Russia.

Leontiev, A.N. (2001), *Lektsii po obshchey psikhologii* [Lectures in general psychology], Smysl, Moscow, Russia.

Leontiev, A.N. (1959), *Problemy razvitiya psikhiki* [Mental development problems], Izd-vo APN, Moscow, Russia.

Luria, A.R. (2002), *Priroda chelovecheskikh konfliktov: Ob'ektivnoe izuchenie dezorganizatsii povedeniya cheloveka* [The nature of human conflict: An objective study of disorganization of human behaviour], Kogito-Tsentr Moscow, Russia.

Naumenko, L.K. (1968), *Monizm kak printsip dialekticheskoy logiki* [Monism as a principle of dialectical logic], Nauka, Alma-Ata, Kazakhstan.

Orbeli, L.A. (1964), *Uchenie I. P. Pavlova ob uslovnykh refleksakh* [The teaching of I.P. Pavlov on conditional reflexes], Nauka, Moscow, Leningrad, Russia.

Pavlov, I.P. (1973), *Dvadtsatiletniy opyt ob'ektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatel'nosti (povedeniya) zhivotnykh* [Twenty years of experience in the objective study of higher nervous activity (behaviour) in animals], Nauka, Moscow, Russian.

Pavlov, I.P. (1951), *Lektsii o rabote bol'shikh polushariy golovnoy mozga* [Lectures on the work of the large hemispheres of the brain], Akademia nauk SSSR, Moscow, Leningrad, Russia.

Spinoza, Benedict (1993), *Etika* [Ethics], Asta-press, Sankt-Petersburg, Russia.

Hinde, Robert (1975), *Povedenie zhivotnykh: sintez etologii i sravnitel'noy psikhologii* [Animal behaviour. A synthesis of ethology and comparative psychology], Mir, Moscow, Russia.

Dafermos, Manolis (2018), *Rethinking Cultural-Historical Theory: A dialectical perspective to Vygotsky*. Singapore, Springer.

Dafermos, Manolis (2014), Vygotsky's analysis of the crisis in psychology: Diagnosis, treatment, and relevance. *Theory & Psychology*, 24(2), 147-165.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interests to declare.

Данные автора:

Майданский Андрей Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет; ассоциированный сотрудник, Институт философии РАН.

About the author:

Andrey D. Maydansky, Doctor of Philosophy, Professor, Professor, Department of Philosophy, Belgorod State National Research University; Associated Researcher at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russian Federation.